

Д. С. Мережковский

Россия и большевизм

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М52

М52 **Мережковский Д.С.**
Россия и большевизм / Д. С. Мережковский – М.: Книга по Требованию, 2021. –
158 с.

ISBN 978-5-4241-2344-3

Дмитрий Сергеевич Мережковский - известный русский и европейский поэт, писатель и философ Серебряного века. Один из основоположников русского символизма, он первым ввел в литературу жанр историософского романа.

ISBN 978-5-4241-2344-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Д.С. Мережковский, 2021

Дмитрий Сергеевич
Мережковский
РОССИЯ И БОЛЬШЕВИЗМ

МЕРЕЖКОВСКИЙ И ФИЛОСОФОВ О ПОЛОЖЕНИИ В СОВДЕПИИ

Беседа с редактором и издателем газеты «Наш край» Ю. Сумороком¹

Знаменитый автор «Юлиана Отступника», «Антихриста» («Петра Великого»), «Леонардо да Винчи», «Александра I» Дмитрий Мережковский посетил вчера редакцию «Нашего края» в сопровождении известного публициста Дмитрия Filosofova.

Разговор пошел на тему актуальных вопросов политики.

Оба выдающихся русских писателя весьма заинтересовались заявлением, сделанным английским представителем О'Греди сотруднику «Морнинг пост» касательно выдвинутой в копенгагенских соглашениях возможности смены системы советов в России.

— Смена такая, — говорил г. Мережковский, — вполне возможна. Мы должны себе отдавать отчет в том, что в России фактически давно уже нет ни тени советской власти, которую заместила автократия Ленина и Троцкого. Автократия эта удерживается благодаря той самой силе, которая поддерживала «самодержавие» царей; она есть эксплуатация психологии несознательной толпы, которая, как раньше окружала особу царя почитанием и обожанием во имя внушенного ей убеждения, что царь — «помазанник» Божий, так и сегодня те же самые чувства питает к красному царю Ленину, которого ему представили, как воплощение идеи социализма — всеобщей справедливости. Как в те времена царь использовал христианские идеалы, святотатственно злоупотребляя верованиями народа, так и сегодня красный царь Ленин использует идеи всеобщей справедливости, с которыми у него нет ничего общего.

Именно как Ленин, так и Троцкий, отдавая себе в этом отчет, готовы в любой момент пойти на так называемую смену строя, устроить маскарад «конституционного народного собрания», которое из-за полного подавления интеллектуальных сил России станет еще одним советским митингом.

Европа, и в особенности Англия, — утверждает наш знаменитый собеседник, — не знает России вообще, а сегодняшней особенно. И это обстоятельство используют большевики. Они знают, что в России ничего создать нельзя, не меньше того они знают свою силу разрушения всего, и не только у себя, но и во всем мире. Большевики отдают себе отчет и в тех великих потрясениях, которые сейчас переживает вся Европа.

Отсюда готовность «смены строя» в России, естественно, в надежде, что эта «смена» обеспечит им возможность филтрации в Европу действительно отлично организованной идеи разрушения.

— Польша, — говорит Мережковский, — сегодня единственный активный фактор в Европе, как организм, развивающийся в государство.

Польша образует сегодня вал от затопления Европы большевизмом. Поэтому роль Польши исключительно ответственна.

Плохо информированы французы о России, если утверждают, что большевизм — это революционное движение. Задача Польши исправить эту ошибку: ибо большевизм — это величайшая реакция, которую можно себе вообразить, — разрушение культуры и упразднение свободы и принципа личности на несколько лет.

И ваши солдаты, победоносно идущие вперед, должны знать, что не во имя завоеваний и подавления «революционных волнений», но во имя свободы, которую несет их оружие, они должны сражаться с большевиками.

Русский народ примет польских солдат с открытыми руками, — заверял нас великий писатель.

В этом месте нижеподписавшийся прервал диалог вопросом, почему интеллигенция, так многочисленная в России, просто не проявляет признаков жизни, — почему в обществе, которое состоит в большинстве из противников большевизма, не пробуждается никакой реакции против власти Ленина. — В Польше, — говорил я, — чем сильнее был гнет, тем сильнее реагировало на него здраво мыслящее общество. Несколько лет мы должны были жить подпольной жизнью, мы готовили и разжигали очаги бунта, которые сегодня дали плоды в виде обретенного оружием целостности Родины...

Ответ на этот вопрос дал г. Философов.

— Лишение свободы слова, террор и преследования смели некоторым образом с поверхности нашу интеллигенцию. Если вы были в прифронтовых местностях и видели разрушенные города, руины церквей и зданий, — то скажу вам, что эти руины точно отражают то, что в области культуры осталось в России после уничтожительной работы большевиков... Вы говорите о польских восстаниях. Но нужно помнить, что и эти восстания готовились в эмиграции в течение целых лет, что эмиграция посылала эмиссаров в страну, что только под их влиянием пробуждался дух польского революционера.

То же самое происходит сейчас и в России. Интеллигенция и лучшие русские личности в эмиграции основывают очаги мысли, противостоящей большевизму. Естественно, это работа поколения, которая сразу не может принести плоды.

— Вы не можете себе представить, — включается господин Мережковский, — как затруднена роль интеллигенции в современной России. Одно можно установить, как результат большевистской деятельности: факт создания большевиками нового, совершенно до тех пор неизвестного общественного класса в современной России — мелкой буржуазии, среди которой интеллигент ненавистен, как тот, кто по природе вещей сопротивляется большевистским теориям, которые эту мелкую буржуазию вызвали к жизни.

Идея социальная здесь доминирует. Политики, можно сказать, здесь нет совершенно.

И вот сейчас этот новый класс людей жаждет одного: чтобы пришел кто-то сильный и гарантировал им землю и права, которые они получили еще во время февральской революции.

Если бы это поняли Юденич и Деникин, действия их не закончились бы поражением.

К сожалению, как один, так и другой шли на Россию во имя возрождения бывшего государства, с которым многомиллионные русские массы раз навсегда распрощались. Юденич раздумывал, признавать ли Финляндию; Деникин не формулировал ясно своего отношения к независимой Польше — и эти политические шаги погубили их окончательно. Потому что русский народ не хочет сейчас чужого.

— А каково ваше отношение к Польше? — спросил я.

— Оба мы с г. Мережковским, — сказал г. Философов, — стоим на почве прав

Польши на границы 1772 г. Признание этих прав должно быть исходным пунктом при установлении польско-российских отношений.

О частностях не сужу. Знаю одно, что ввиду общей опасности, какой грозит нам большевизм, отношения между Польшей и возрожденной Россией должны быть самые дружественные.

На этом закончилась беседа, отчет о которой предоставляем нашим читателям.

БЕСЕДА с Д. С. МЕРЕЖКОВСКИМ²

Вы спрашиваете меня о ближайших планах и намерениях. Главная наша задача по мере наших слабых сил содействовать возрождению России, я бы даже сказал ее воскресения.

Для того, чтобы Россия была, а по моему глубокому убеждению ее теперь нет, необходимо, во-первых, чтобы в сознание Европы проникло наконец верное представление, что такое большевизм. Нужно, чтобы она поняла, что большевизм только прикрывается знаменем социализма, что он позорит святыне для многих идеалы социализма, чтобы она поняла, что большевизм есть опасность не только русская, но и всемирная.

Затем, мы находим, что будущее России зависит от ее отношений с Польшей. Только тесная связь с Польшей, только признание исторических прав Польши на ее территорию — может служить основой для дальнейшего более тесного сближения двух народов, и почем знать, для дальнейшего сближения всего славянства.

Здесь, в Вильне, мы встретили самый радушный прием, но центр политической жизни теперь в Варшаве, и мы спешим туда. По необходимости мы остаемся в Вильне всего несколько дней.

— Каково положение в России русской литературы, русских писателей?

— Лучше не спрашивайте. Какая может быть литература, когда уста писателей запечатаны. Страшно подумать, что при царском режиме писатель был свободнее, нежели теперь. Какой позор для России, для того изуверского «социализма», который царствует теперь в России! В России нет социализма, нет диктатуры пролетариата, а есть лишь диктатура двух людей: Ленина и Троцкого.

КРИК ПЕТУХА⁴

— Еще «Свобода»? Нет, довольно. Не свобода нужна нам сейчас, а власть. Большевики — умницы: ни с какими «свободами» не церемонятся и создали власть, — это вы у них не отнимете. Может быть, не только в России, но и во всей Европе это сейчас единственная крепкая власть.

— Завидуете?

— Во всяком случае, не презираю. Есть чему поучиться. И уже поверьте, никакой «Свободою» их не проймешь. Никого не соберете вы под этим знаменем...

Я не сомневаюсь, что здесь, за рубежом, таких разговоров было и будет много. Но именно здесь. А там, в России? Ведь все, что здесь, так непохоже на все то, что там. Здесь и там — «этот» свет и «тот». Свобода, слово, уже заглохшее здесь, как прозвучало бы там?

Глубочайшая метафизика большевизма, не отвлеченная, а воплощаемая в действии реальнейшем, небывалом по своим размерам всемирно-историческим, есть отрицание свободы. Можно сказать, что большевизм существует в той мере, в какой отрицает свободу. В этом смысле учителя и пророки большевизма даже не считают нужным лицемерить.

Ленин начал с того, что объявил со свойственной ему арифметическою точностью: «социализм (большевизм) есть учет». Абсолютная мера учета — равенство — равенство человеческих личностей, превращенных не в рабов, не в скотов, даже не в зерна «паюсной икры», а в частицы серой пыли, молекулы бездушной материи, атомы тех не человеческих, а только физических «масс», которые служат предметом большевистских «опытов». Абсолютная величина — равенство, а свобода — нуль, ничто, «буржуазный предрассудок», та ложь, на которой весь старый мир, как на оси своей, вертится. Выдернуть из него эту ось и значит — уничтожить старый мир и создать мир новый.

«Свобода, Равенство, Братство», — из этих трех заветов Великой революции большевизм сохраняет одно только «равенство» — без свободы и без братства: вместо свободы — рабство, какого никогда на земле не бывало, вместо братства — братоубийство, какого тоже никогда на земле не бывало, вплоть до антропологии (это сейчас, в России, уже не легенда).

Что в тайне совести своей думает Ленин о Великой революции французской? Считает ли ее только малым началом великого конца революции русской или таким же нулем, «буржуазным предрассудком», как и самое понятие свободы? Но в обоих случаях, Свобода и Равенство — два понятия, взаимно друг друга исключаящие — такова метафизика, повторяю, не отвлеченная, а реальнейшая, вошедшая в плоть и кровь большевизма. Начало большевизма — конец свободы; убить свободу — родить большевизм, и наоборот. Вот почему большевики — свободоубийцы изначальные.

Великая революция французская открыла человечеству небо свободы, под которым мы все еще ходим; дало человечеству воздух свободы, которым мы все еще дышим. Великая реакция русская — большевизм — хочет заменить небо стеклянным колпаком, и воздух — безвоздушным пространством. В России они это уже сделали; сделают ли и во всем мире? Вот вопрос.

Мы здесь, под вольным небом, дышащие, не понимаем, что значит воздух. Но это понимают все, кто там, в России, под стеклянным колпаком, задыхаются. И если скажут им: «Воздух!» — разве могут они не ответить?

О, только бы туда, в Россию, долетел этот крик: «Свобода!» — и Россия ответит, и расточится большевизм, как дьявольская нечисть — от крика петуха.

КРАСНЫЙ ДЬЯВОЛ⁶

Нож в руках сумасшедшего страшен. А вступать в «мирные переговоры» с сумасшедшим, не вырвав ножа из рук его, — еще страшнее. Сумасшедший хитер: перехитрит всех умников и посмеется над ними.

Красная армия в руках Ленина-Троцкого — нож в руках сумасшедшего. Спор о том, сильна ли красная армия, остр ли нож — глупый спор. Дело не в остроте ножа, а в остроте сумасшедшей хитрости. Тупой перочинный ножик в руках помешанного, когда он крадется ночью к спящему, опаснее самых острых ножей. А ведь это именно сейчас и происходит. Европа спит, а Троцкий-Ленин крадется к ней — вот-вот полоснет по горлу тупым перочинным ножиком красной армии.

Или, может быть, Европа уже проснулась и вся трясется, не видит, не слышит, не понимает — только трясется, суется и гибнет бессмысленно? Ведь не страшное губит, а страх.

Думаю, это-то именно сейчас и происходит с Европой.

Вождь великого народа предложил себя в посредники для мирных переговоров Польши с Советским правительством. Советское правительство ответило дипломатической пощечиной. Что же делает вождь великого народа? Что делает сам великий народ? Военная эскадра направляется в Балтийское море (в который раз?); двинуты шестнадцать дивизий с шестнадцатью генералами на помощь Польши. Но вот беда: генералы уже прибыли, а дивизии еще не успели. Успеют ли?

А хитрый сумасшедший с тупым перочинным ножиком все крадется да крадется и тихонько смеется над бормотанием спящего о шестнадцати дивизиях без генералов и шестнадцати генералах без дивизий.

Мы давно уже знаем: все слова тщетны. Никто не услышит, никто не проснется. И все-таки мы будем говорить, кричать до конца.

Проснитесь, опомнитесь. Чего вы так боитесь? Красной России? Красной Армии? России Красной нет, а есть только Россия русская, и вся она — против Красного Дьявола. Красной Армии нет, а есть только стадо обезумевших людей, которых Красный Дьявол гонит, как скот на убой, пулеметами в спину, и такими утонченными ужасами, что перед ними Инквизиция — шутка. О, если бы эти несчастные знали, что вы — против Красного Дьявола, как бы они кинулись к вам! Но по тому, что вы с Россией сделали и делаете, они этого знать не могут.

Шестнадцать генералов без дивизий — это хорошо; шестнадцать генералов с дивизиями — еще лучше. Но сейчас не в этом главное; главное — в вашей воле, в вашей решимости, в вашем мужестве, в вашем достоинстве.

Хотя бы в эту последнюю минуту, опомнитесь. Вы — дети великой матери: мать ваша — Европа, мать Свободы. И вы ее предадите во сне Красному Дьяволу-Поработителю?

Не думайте, что вы проснулись: если вы боитесь этого дьявола, — вы все еще спите, и он вас душит во сне, и если не проснетесь, — задушит.

Проснитесь же, скажите Красному Дьяволу: «Аминь, рассыпья!» И он рассыплется.

ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ⁸

— Посидели бы вы с нами в концентрационном лагере за колючей проволокой, узнали бы, как они нас любят! — говорят мне о поляках русские люди, солдаты и офицеры.

Что на это возразить? Какими словами? Колючая проволока убедительнее слов.

Я — друг Польши. Друг должен говорить правду в глаза.

Сажать за колючую проволоку русских патриотов, единственных друзей Польши, всеми преданной, есть безумие и преступление — преступление перед Россией и перед Польшей. Те безумцы и преступники, которые это делают или делали, — враги Польши, изменники, друзья большевиков, их лучшие слуги, — пусть даже сами не ведают что творят.

Колючая проволока ныне снята? Жаль, что так поздно. Дай Бог, чтобы не слишком поздно!

Это безумие и преступление искупается ныне святою кровью, кровью лучших сынов Польши там, на полях сражений. И если только что воскресшая Польша снова будет распята, то колючая проволока, отделявшая Россию от Польши, будет терновым венцом на челе Распятой.

Я сказал правду полякам, скажу правду и русским.

Вы обижены — забудьте обиду — не прощайте, не надо прощать, прощение мстительно, а забудьте, забудьте так, как будто обиды вовсе не было.

Сколько дней просидели вы за колючей проволокой? Сто пятьдесят? А поляки — сто пятьдесят лет. Это если считать. Но не надо считаться. Забудьте, не считая. Счет не в вашу пользу.

Поляки ненавидят русских? Они имеют право ненавидеть. Я иногда и сам ненавижу русских, ненавижу их за то, что они с Россией сделали. Я иногда и сам себя ненавижу за то, что я сделал с Россией. Да, я сделал. Мы все сделали. Мы все вместе виноваты. Не будем же считаться ни с чем. Счет не в нашу пользу.

А если не можете забыть, не считая, то ни минуты не медлите — ступайте, бегите под знамена Брусилова, Ленина и Троцкого. Убивайте Польшу, убивайте Россию. Но знайте: каждый удар ваш в сердце Польши — удар в сердце России, потому что у них сейчас одно сердце. И еще знайте: вы достойны вашей участи: родились и умрете рабами; никогда не узнаете, что такое Свобода и Отечество. Вы достойны того, чтобы гнали вас пулеметами сзади, как плетью скотов на убой.

Вы говорите, что я слишком люблю Польшу. Но кто любит и думает, как бы полюбить не слишком, тот совсем не любит. Я не знаю, как я люблю Польшу и как люблю Россию; я только знаю, что люблю их вместе и сейчас не могу разделить. Когда-нибудь потом опять смогу, но не сейчас, пока льется их общая кровь и венчает их общий терновый венец.

Да, помните, русские люди: колючая проволока, отделявшая некогда Россию от Польши — ныне их общий терновый венец. Кто ведает судьбы Господни? Может быть, русские, русские дьяволы пройдут по телу Польши так же, как прошли они вместе по телу России. Но если обе вместе будут распяты, то обе вместе и воскреснут. И на благо всему человечеству союз их вечный, венчанный венцом терновым.